

После того как горная птица умолкла, лицо Су Фэнъяня мгновенно изменилось.

Небо вокруг заволокло тучами. Стоя под дождем, он укрылся зонтом, и холод, исходивший от его пальцев, заставил даже безжизненную птицу вздрогнуть.

Раздался оглушительный удар грома, и Су Фэнъянь, усмехнувшись, пришел в себя.

Дождь, шедший у подножия горы за пределами двора, делал его присутствие здесь каким-то лишним.

Из-за того, как вел себя Чу Цзиньсяо во время их последней встречи на Террасе Сбора Облаков, Су Фэнъянь планировал разыграть спектакль, чтобы вызвать жалость, как только тот вернется. Он хотел усыпить его бдительность, поэтому и пришел сюда в такую погоду.

Кто бы мог подумать, что А-Чу окажется на... постели Нин Цзи.

На постели, значит.

Он повторил про себя слова птицы.

Голос его звучал глухо, эмоции распознать было невозможно.

Птица перед ним не смела даже пошевелиться, опасаясь, что у этого безумца случится очередной приступ. Закончив доклад, она старалась как можно сильнее сжаться, чтобы стать незаметной.

Су Фэнъянь бросил на нее взгляд.

Несмотря на мрачное лицо, он коснулся кончиком пальца птицы, и черная дымка, окутывавшая ее, исчезла.

Оцепенение спало, и, неведомо как, она словно вновь стала обычной живой птицей.

— Ступай, — негромко произронил Су Фэнъянь. — И продолжай следить за тем местом.

Глаза его потемнели.

Обретя свободу, птица захлопала крыльями и, не смея задержаться ни на мгновение, помчалась прочь, растворившись в лесной чаще, как и прилетела.

У подножия горы снова воцарилась тишина.

Су Фэнъянь сжал руки в кулаки, в его глазах промелькнуло редкое для него намерение убить.

Он полагал, что дни Нин Цзи сочтены, что никакие лекарства ему не помогут, поэтому решил позволить ему пожить еще немного.

Увы... кажется, судьба распорядилась иначе.

Су Фэнъянь не любил, когда кто-то посягал на добычу, которую он уже присмотрел для себя.

Чу Цзиньсяо давно был намечен им как гу-человек, который останется рядом с ним навсегда. В целом мире не нашлось бы никого, кто подошел бы на эту роль лучше.

Су Фэнъянь медленно опустил взгляд, позволяя каплям дождя барабанить по зонту. Вокруг царила тишина. Он поднял голову, посмотрел на вершину горы, постоял немного и развернулся, чтобы уйти.

Последние несколько дней Чу Цзиньсяо восстанавливался после ран во Дворе Журавлиного Снега.

Нин Цзи прежде никогда не оставлял никого у себя на ночь, поэтому, просыпаясь по утрам и видя кого-то в главном зале, он всякий раз чувствовал себя не в своей тарелке.

— Учитель.

Увидев Нин Цзи, Чу Цзиньсяо поднял голову.

Нин Цзи заметил, что тот читает книгу.

Из-за истощения духовной энергии юноша не мог практиковаться в фехтовании в ближайшие дни, но, считая праздность недопустимой, после пробуждения попросил слугу принести несколько книг.

На обложке одной из них четко виднелись три иероглифа: Канон Восьми Пустошей.

Это был медицинский трактат о травах.

Чу Цзиньсяо раньше никогда не интересовался врачеванием, что было довольно странно.

— Ты читаешь... это? — Нин Цзи слегка нахмурился.

Заметив, что взгляд Учителя задержался на книге, Чу Цзиньсяо прикусил губу.

— Увидел эту книгу на вашей полке и попросил слугу принести, — он помедлил и добавил с легким смущением: — Если Учителя это беспокоит, я верну её на место.

— Не стоит, — Нин Цзи покачал головой. — Канон Восьми Пустошей — хорошая книга. Сейчас у тебя стадия Закладки Основания, в будущем тебе неизбежно придется отправиться в странствия, так что расширить кругозор будет полезно.

Нин Цзи говорил серьезно, глядя на красивого, статного юношу.

Не успел Чу Цзиньсяо улыбнуться, как Нин Цзи вдруг сделал паузу и добавил:

— Ты можешь изучать это для себя, но не для других.

Эти слова попали точно в цель. Радость на лице Чу Цзиньсяо померкла, он опустил глаза и крепче сжал книгу.

— Учитель, — он снова поднял голову.

Видя спокойный взгляд Нин Цзи, он почувствовал разочарование, но все же попытался объяснить:

— Огненный яд Циля в вашем теле никак не отступит, я хочу изучить медицину, чтобы в будущем суметь вам помочь.

Вспомнив, что Учитель всегда отличался строгостью, он поспешно добавил:

— Учитель, не волнуйтесь, на моих занятиях это не отразится.

Произнося это, он пристально смотрел на Нин Цзи, не желая отводить взгляд. Это были его искренние мысли.

Нин Цзи, разумеется, это видел. Его глаза едва заметно дрогнули.

В комнате воцарилась тишина.

Чу Цзиньсяо смотрел упрямо, а взгляд Нин Цзи, скрытый за маской, оставался невозмутимым. Между ними повисло негласное противостояние.

Спустя некоторое время Нин Цзи, вспомнив о любви главного героя к нему в оригинальной истории, а также о том, как тот без колебаний помогал ему направлять энергию в ту ночь, нахмурился. Долго глядя в глаза Чу Цзиньсяо, он все же смягчился, и в его голосе проскользнули теплые нотки.

— Огненный яд Циля — это не то, во что ты можешь вмешиваться. Я знаю, что ты руководишься благими намерениями.

Чу Цзиньсяо сжал кулаки:

— Я хочу помочь вам, Учитель.

Нин Цзи наконец посмотрел на него:

— Не знаю, не ввело ли тебя в заблуждение то, что произошло в прошлый раз. Я помню твою помощь при очищении каналов. Но, Чу Цзиньсяо, сейчас ты должен думать о том, как повысить свое мастерство. Когда я был в твоём возрасте, я никогда не думал о подобном.

Он редко говорил так много, поэтому, закончив, слегка кашлянул. Последнее, что услышал Чу Цзиньсяо, было:

— Человек может думать о других, лишь когда сначала подумает о себе.

Голос Нин Цзи, низкий и мягкий, словно взмах журавлиного крыла, развеялся под дуновением ветра.

Сначала думать о себе, а потом о других.

Но сам Учитель никогда не думал о себе.

Чу Цзиньсяо запнулся, ничего не ответил, но после ухода Нин Цзи тайком спрятал медицинский трактат.

Кун Лин, которого слуга унес внутрь, чтобы подпитать духовной жидкостью, тоже слышал этот разговор.

После ночи, проведенной на дереве под ветром и дождем, он стал гораздо послушнее. Сначала он было выругал Нин Цзи, назвав его подлецом, но стоило вспомнить, как холодно тот обращался с ним, словно с какой-то безделушкой, как на душе стало невыносимо тошно. Всю ночь он даже почти не вспоминал о Чу Цзиньсяо — в мыслях постоянно всплывал только Нин Цзи.

Кун Лин был благородного происхождения и никогда прежде не был в роли игрушки. Поэтому, увидев утром Нин Цзи, он не мог оторвать от него взгляда, игнорируя всех остальных.

Слуга поднес к нему духовную жидкость, но духовное сознание Кун Лина было приковано к Нин Цзи. А потом... он услышал те самые слова.

Ему стало еще неприятнее. Раз он так добр к своему ученику, значит, он действительно считает его просто забавной вещью? От этой мысли он пришел в ярость: мало того, что А-Чу, так даже слуга удостоился лучшего отношения, чем он.

Кун Лин: ...!

Заметив, что яйцо журавля окутано черной дымкой и не хочет есть, слуга удивился. Но, решив, что оно сыто, убрал жидкость и снова положил яйцо на дерево, не преминув добавить:

— Веди себя прилично. В конце концов, ты не очень-то нравишься Бессмертному Владыке. Такие, как ты, могут остаться на горе, только если будут послушными.

Кун Лин: ...

Не успел он возмутиться, как слуга добавил:

— Эх, когда на гору прилетал А-Хэ, Владыка был с ним так нежен.

Слуга посмотрел на него взглядом, полным жалости к такому «непривлекательному» существу, и вернул на дерево.

Только когда человек ушел, Кун Лин осознал, что его сравнили с журавлем, и он проиграл это сравнение.

Кун Лин: ...!!!

Вспомнив того глупого журавля у подножия горы, Кун Лин отозвал сознание и, чувствуя себя униженным, в ярости уткнулся головой в траву.

Нин Цзи вышел утром на тренировку с мечом.

В последнее время ему нельзя было принимать много лекарств, но короткие тренировки были допустимы. На Пике Разоружения снова накрапывал мелкий дождь.

Он поджал губы, выпуская жар из тела, и, когда лицо немного порозовело, медленно убрал меч.

Однако в тот момент, когда он собирался закончить, взгляд его упал на верхушку дерева. Там, после утреннего дождя, сидела птичка и тихо наблюдала за ним.

Эта птица отличалась от остальных. Заметив взгляд человека, она в испуге захлопала

крыльями и перелетела на ветку повыше.

Нин Цзи нахмурился. Почему-то он вдруг ощутил на себе чей-то пристальный взгляд.

Он помедлил, и, когда птица улетела, окинул взглядом лесную чащу. Духовная энергия бесшумно накрыла гору. Дождь продолжал моросить, но, ничего не обнаружив, он отвел взгляд.

Может, показалось?

Подумав так, он решил пока оставить это дело.

Утром в лесу было еще прохладно. Постояв немного, Нин Цзи поправил журавлиную мантию, тихо кашлянул и, когда дождь прекратился, собрался уходить.

Отведя взгляд, он не заметил, как птица, едва он скрылся, бесшумно рассыпалась в прах.

На горе снова стало тихо.

Нин Цзи поднял голову к небу, и в этот момент к нему подлетел бумажный журавлик.

— Владыка.

Журавлик, как и в прошлый раз, кивнул и опустился на землю. Нин Цзи узнал журавлика из Зала Административных Дел.

— Что-то случилось?

Юй Хэ давно не видел Владыку. После того как в прошлый раз его чувства всколыхнулись, он поспешил взять себя в руки и был уверен, что сегодня сможет говорить с ним спокойно. Но стоило тому заговорить, как у Юй Хэ дернулась бровь.

Окружающие видели лишь, как он затаил дыхание с серьезным видом, не понимая, что с ним происходит. Все с любопытством поглядывали в его сторону.

Шум вокруг заставил Юй Хэ прийти в себя.

— Владыка, — тихо произнес он, — скоро состоится Великое состязание Девяти областей. Вы, как обычно, возглавите делегацию?

Великое состязание Девяти областей.

Нин Цзи нахмурился. Если бы не напоминание Юй Хэ, он бы почти забыл об этом. Состязание должно было состояться совсем скоро, об этом упоминалось на последнем собрании.

Нин Цзи, как первый мастер меча в Поднебесной и самый сильный практик секты Юйцин, всегда возглавлял делегацию.

Юй Хэ не знал точно, каково состояние ран Владыки, но на всякий случай решил спросить заранее. Если Владыка не сможет, то пойдет дядя Нянь с Пика Обнимающий Цинь.

Сердце Юй Хэ замирало, на том конце талисмана передачи звука царила тишина.

Нин Цзи опустил глаза, размышляя. В обычное время он бы отказался, но после недавних

догадок о своей травме... у него появилось новое решение.

Когда Юй Хэ уже решил, что последует отказ, Нин Цзи равнодушно произнес:

— В этот раз я снова поеду. Составь список учеников, желающих принять участие.

В Великом состязании могли участвовать только те, кто не достиг стадии Формирования Ядра. Победители получали право свободно посещать лучшие школы бессмертных и жетоны сокровищниц девяти великих сект. Это была редкая возможность, поэтому желающих всегда было много, и подготовку следовало начать заранее.

Нин Цзи отдал соответствующие распоряжения.

Юй Хэ не ожидал, что Владыка согласится, и на мгновение остолбенел. Затем быстро пришел в себя.

— Слушаюсь, Владыка.

Его голос слегка охрип, но в нем слышалось волнение. Если Владыка возглавит делегацию, значит, он отправится в путь вместе с ним. Уши Юй Хэ покраснели, и он изо всех сил старался сдержаться.

Нин Цзи не знал, что творится в душе Юй Хэ, и, помолчав, спросил:

— Нужно ли мне прийти в Зал Административных Дел?

Элитные ученики секты Юйцин — это не новички. Юй Хэ хоть и был старшим братом, но не факт, что сможет их утихомирить. Тем более что в этот раз среди участников было немало учеников, принятых мастерами пиков лично. Чтобы все прошло гладко, он решил уточнить.

Юй Хэ моментально занервничал, но, приложив усилия, чтобы успокоиться, тихо ответил:

— Если вы сможете прийти, Владыка, это будет просто замечательно.

Нин Цзи кивнул:

— Сегодня ты займись списком, а завтра я приду.

Сказав это, он отключил талисман.

Юй Хэ был ошеломлен — мало того, что Владыка согласился ехать, так он еще и лично придет завтра! Он сам не заметил, как его лицо залилось краской.

<http://bllate.org/book/19881/1957159>